

Светлана Владимировна Федотова

Ora e Sempre,

или о современном состоянии иванововедения

Итальянское выражение, вынесенное в заглавие этого обзора, сконструировано Вячеславом Ивановым (1866-1949) и его возлюбленной, впоследствии женой, Лидией Зиновьевой-Аннибал (1866-1907). Оно использовалось ими в личной переписке как символ неизменной любви – “Ныне и Вечно”. После смерти Лидии формула обыгрывалась поэтом-символистом во вступлении (*Proemion*) к циклу сонетов “Толубой покров”: “Был *Ora – Sempre* тайный наш обет...” (“*Cor Ardens*”, кн. 2). Мы же используем ее несколько вольно, снимая семантику любовных отношений, но оставляя концепт неразрывности актуального (*Ora*) и вечного (*Sempre*). Под первым понимается современное состояние иванововедения, под вторым – статус классика русского модернизма, которым, несомненно, является Вячеслав Иванов. Конечно, говорить о том, что из наследия поэта и теоретика символизма останется в истории литературы навсегда, достаточно рискованно: время еще произведет свой отбор. Но рассмотреть, какие стороны жизни и творчества Иванова интересуют исследователей сегодня, какие открытия и проблемы существуют в иванововедении, представляется одной из насущных задач. Тем более что в этом году отмечается 70-летняя годовщина со дня смерти одного из лидеров русского символизма, поэта, религиозного мыслителя, теоретика литературы, переводчика, ученого-классика. Это некий порог, позволяющий окинуть взглядом достаточно разнородные методологические подходы к сложному, многогранному феномену Иванова, который находится на пересечении филологии, философии, религиоведения и культурологии.

Обозреть все существующие работы об Иванове не представляется возможным, поэтому мы ограничимся тремя последними годами на фоне панорамного взгляда на иванововедение как молодую отрасль современной науки о литературе. По неискоренимой любви к круглым датам нижним порогом будет 2016 г., связанный со 150-летием со дня рождения поэта. Это оправданно также тем, что именно тогда вышла в свет антология “Вячеслав Иванов: *pro et contra*” (2016), что само по себе говорит об Иванове как феномене национального самосознания, осмысление которого важно для понимания путей развития российской культуры, ее противоречивой и ‘загадочной’ судьбы. Первый том издания включает более 80 критических отзывов и мемуаров о личности и творчестве Вяч. Иванова его современниками (от В.Я. Брюсова до А.Ф. Лосева); второй – ряд статей русских и зарубежных исследователей последних десятилетий.

В рамках нашей темы особенно интересна одна из рубрик второго тома – *Промежуточные итоги*, в которой републикованы статья Памелы Дэвидсон, впервые появившаяся в 1996 г., *Вячеслав Иванов в русской и западной критической мысли (1903-1995)* (Исупов, Шишкин 2016, II: 552-569) и статья Сергея Аверинцева *Вячеслав Иванов – сегодняшними глазами* (2002) (*там же*: 601-610). Размещенные вместе в антологии *Pro et contra*, они в какой-то степени репрезентируют рефлексивное самосознание иванововедения не только двадцать лет назад, но, как можно понять логику составителей, и сегодня.

В работе английской исследовательницы рассмотрены типичные тенденции в критическом восприятии Иванова на протяжении всего XX в.: от появления поэта в русской культуре порубежной эпохи, укрепления его литературной репутации и вхождения в литературный канон как поэта, теоретика и идеолога символизма; через почти полное забвение его в середине века, до возвращения интереса к его наследию в западноевропейской и отечественной науке в последней четверти прошлого столетия.

В прижизненной критике устанавливаются константные черты личности и творчества Иванова (сразу закрепляется характеристика его поэтического языка как архаичного, 'темного', перенасыщенного философскими идеями и мифологическими образами всех эпох; сложность его теоретических работ о символе, мифе, трагедии, Дионисе, синтезе искусств; противоречивость его идей, объединяющих язычество и христианство, славянофильство и западничество; его значение как лидера религиозного символизма, хозяина знаменитой петербургской Башни, на которой экспериментально апробировались новые формы жинетворчества и модернистского искусства и т.д.). В отзывах современников, зачастую 'вкусовых' и пристрастных, определен тот высокий 'ранг' писателя в литературной иерархии эпохи, который соответствует модусу *Sempre*, что проявлялось в той роли, которую играл Иванов в происходившем тогда кардинальном изменении подхода к поэзии и эстетике: переход от декадентства к символизму и от символизма к постсимволизму во многом был достигнут под влиянием его личности и идей. Первый том антологии *Pro et contra* дает полное представление о том, как разворачивался этот процесс и какой сложной, противоречивой фигурой выступал в нем мэтр русского символизма, в котором, по замечательно точной формулировке Белого, перекрещены все "антиномии нашего времени" (Исупов, Шишкин 2016, I: 401). Но в целом для первого периода характерен сдвиг интереса критиков от Иванова-поэта – через Иванова-теоретика, идеолога и учителя – к Иванову-философу культуры.

Не случайно поэтому в одном из самых глубоких мемуарно-аналитических эссе Ф. Степуна (1936) – на фоне почти тотального забвения поэта в период его римской эмиграции – была предпринята попытка возродить интерес к целостному феномену Вячеслава Иванова как "самой многогранной, но одновременно и цельной фигуры русской символической школы", как "единственного в своем роде сочетания и примирения славянофильства и западничества, язычества и христианства, философии и поэзии, филологии и музыки, архаики и публицистики" (Исупов, Шишкин 2016, I:

588). Подчеркивая “глубокомысленное интуитивно-спекулятивное мирозерцание” поэта, Степун дал разностороннюю характеристику религиозного символизма Иванова. Его теоретические работы определялись как синтетические, а не аналитические по сути, освещенные лучом религиозно-философской мысли, которая “легко и естественно пронизывает все от искусства к политике ниспадающие планы современной культуры”. О его поэзии было сказано предельно выразительно: “Бог создал Вячеслава Иванова настоящим поэтом, но он создал его в одну из своих глубокозадумчивых, философских минут” (*там же*: 591; 602).

Собственно филологическая работа по освоению многогранного творчества поэта и мыслителя начинается позже. По существу, становление ивановедения связано с выходом в свет брюссельского четырехтомного собрания сочинений, подготовленного сыном поэта, Д. Ивановым, и ближайшим другом и ‘совопросником’ римского затворника, О. Шор (Дешарт) (Иванов 1971-1987). С 1981 г. устанавливается традиция проведения международных ивановских симпозиумов, проходивших в университетах Иеля, Павии, Гейдельберга и Женевы, с участием европейских, американских и российских исследователей, и сопровождавшихся выпуском интереснейших сборников статей о творчестве Иванова как поэта, критика и философа (Jackson, Nelson 1986; Potthoff 1993; Nivat 1994; Hollós 1996). В это же время появляется ряд монографий западных ученых, глубоко разрабатывающих компаративистские темы (Иванов – Бахтин [Szilárd 1989], Иванов – Данте [Davidson 1989], Иванов – Гёте и Новалис [Wachtel 1994]), целостное изучение Иванова как теоретика символизма и мифологизма (Cargi 1994), а также синтеза искусств (Bobilewicz 1995).

Возвращение имени Вячеслава Иванова в отечественную культуру идет параллельно, постепенно набирая обороты вместе с обретением материка всей культуры Серебряного века, долго скрытого под толщей идеологических запретов. И если в статье 1996 г. Памела Дэвидсон называет только несколько ученых, открывающих забытые страницы истории русского символизма (С. Аверинцева, Н. Богомолова, Н. Котрелева, О. Кузнецову, К. Лаппо-Данилевского, А. Лаврова, Г. Обатнина) и только один специальный номер “Нового литературного обозрения” (1994), полностью посвященный Вяч. Иванову, то в последующие годы центр тяжести ивановедения ощутимо перемещается в Россию.

Интересно, что в этой поворотной точке развития научной мысли, увлеченной творчеством поэта и теоретика символизма, Дэвидсон увидела ряд проблем, определяющих текущее и дальнейшее развитие отрасли. По ее мнению, тот факт, что в России типичными публикациями стали “скрупулезно прокомментированные издания переписки Иванова, подробные воссоздания его деятельности в различные периоды жизни и исчерпывающие сообщения о его отношениях с издательствами и журналами”, можно объяснить двумя причинами. Во-первых, стремлением русских исследователей уйти от диктата идеологических оценок и, во-вторых, желанием заполнить неизвестными фактами лакуны в истории литературы, без раскрытия собственного поэтического мира Иванова и без обобщающих аналитических работ. Сквозной же

проблемой для всего рассматриваемого периода оценки Иванова в критической мысли (1903-1995) была признана почти полная неизученность его поэзии, в значительной мере остающейся “нетронутым кладезем, ожидающим внимательного анализа” (Исупов, Шишкин 2016, II: 565; 568). Перспективные направления ивановедения, требующие серьезной разработки, определялись как выявление места Иванова в русской традиции и его влияния на формирование поэтов следующего поколения. Но самой важной признавалась проблема понимания целостного развития его творчества и личности на протяжении всех этапов жизни и творчества.

Статья Аверинцева затронула еще один важный момент, аксиологический, влияющий на актуальное восприятие творчества поэта на рубеже XX-XXI вв. Он заключался в том, что рецепция творчества Иванова, разворачиваясь в русле “воскрешения наследия отцов”, неизбежно попадала в живое и напряженное выяснение отношений между поколениями и прежде всего, конечно, обвинений со стороны ‘детей’. Наследие русского символизма оказалось втянутым в идейные споры постсоветского пространства, что провоцировало “скорее конфликт, ‘агрессию’, уклон к разоблачению, затребование ушедших поколений к ответу, чем какое-либо благостное расположение духа” (Исупов, Шишкин 2016, II: 604).

Аверинцев, не соглашаясь с пониманием символистской утопии радикального пересоздания человека в целом и, в частности, идей Вяч. Иванова о всенародном искусстве, ‘орхестрах’ и ‘фимелах’, как предтечи тоталитаристских программ, оспаривал известную точку зрения на то, что романтизм, связанный с представлением о свободно действующем индивидууме, в исторической перспективе, привел к политически фатальным последствиям. Он противопоставлял этой обобщенной историософской концепции мысль о том, что символизм был ответом на вызовы антропологического кризиса рубежа XIX-XX вв., который тогда назывался ‘кризисом гуманизма’. Актуальность символизма именно в постановке вопросов, в чуткости к проблематичному, потенциальному, еще не ставшему, не оформившемуся, растворенному в жизненных стихиях. И в этом смысле он поставил во весь рост одну из важнейших проблем “новой идентичности человека по ту сторону описанного символистами кризиса гуманизма классического” (*там же*: 606).

В предостережениях Аверинцева можно увидеть не только опасность искажения культурного феномена сквозь призму конъюнктурных общественно-политических штампов (на тот момент речь шла о неадекватности для творчества Иванова ‘хронотопа большевизма’), но и более серьезную проблему адекватности эпистемологических подходов к ‘предмету’ научного познания. Ведь сам ‘предмет’ – в зависимости от исследовательских установок – может представлять как исключительно исторический интерес, так и актуальную, востребованную современным гуманитарным знанием, систему мысли и художественно-эстетической практики.

Начиная со второй половины 1990-х гг. количество научных работ, посвященных сложной и многогранной фигуре Вячеслава Иванова, находящейся в средоточии русского модернизма, практически всех его религиозно-философских и эстетических иска-

ний, неуклонно возрастало. Маятник истории, совершив ход столетней длительности, вернулся к исходной точке, правда, с некоторым регрессивно-рефлексивным смещением. Если в западноевропейском мире в полную силу процветал постмодернизм, то в России это была эпоха плодотворного переосмысления символизма Серебряного века с позиций 'железного' поколения, в плане не деконструкции, а, скорее, реконструкции утраченного прошлого, с одновременным притяжением и отталкиванием.

В этот период одной из магистральных линий стала филологическая работа с текстами Иванова, с их дошедшими версиями, фрагментами, архивными материалами и печатными вариантами. Несомненно, она способствовала расширению фактических источников представления о творческой лаборатории поэта, выявлению наиболее точных, канонических версий его текстов, созданию комментария к их истории. Частыми стали публикации неизданных работ или републикация отдельных произведений с новым эдичионным и комментаторским аппаратом. Были переизданы такие значимые произведения, как *Переписка из двух углов* (2006), мелопея *Человек* (2006), *Римские сонеты* (2011), *Эллинская религия страдающего бога* (2014), *Дионис и прадионисийство* (2015), и наконец, *Повесть о Светомире царевиче* (2015), масштабное критическое издание одного из самых загадочных произведений Иванова, вышедшее в серии "Литературные памятники", и др. Большое значение для систематизации представлений о корпусе ивановских работ в целом имеет подготовленная П. Дэвидсон *Библиография прижизненных публикаций произведений Вячеслава Иванова: 1898-1949*, в которой выявлено 627 прижизненных публикаций и переводов произведений поэта и теоретика, появлявшихся по всему миру (от Нью-Йорка до Шанхая), на одиннадцати языках, часто в труднодоступных теперь газетах, журналах и сборниках (Дэвидсон 2012: 7).

Появилось несколько фундаментальных изданий переписки, раскрывающей изнутри становление Вяч. Иванова как ученого и поэта в ранние, 'досимволистские', и первые петербургские годы жизни: *История и поэзия: Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова* (2006), *Вячеслав Иванов в 1903-1907 годах: Документальные хроники* (2009), В. Иванов, Л. Зиновьева-Аннибал, *Переписка: 1894-1903, I-II* (2009), *Переписка с Андреем Белым* (2015), а также целый ряд отдельных журнальных публикаций архивных материалов, имеющих значение для детализации представлений о творческой и духовной биографии поэта, которые невозможно даже все перечислить. В этом ряду нельзя не отметить издание *Archivio russo-italiano* (Salerno), в котором начиная с 1997 г. и по настоящее время регулярно публикуются материалы из римского архива Иванова.

Все эти новые факты требовали переосмысления, встраивания в научную парадигму знаний о русском модернизме и в первую очередь о своеобразии творческой личности Вяч. Иванова, его достаточно нетривиальной семейной жизни, о петербургской Башне как средоточии жизнотворческих проектов эпохи, ее симпозиональном духе, которые открывались с новых, часто неожиданных сторон. Набрал силу этап интерпретации текстов самого поэта, изданных и заново открытых произведений, набросков, эгодокументов, которые изменяли устоявшиеся представления о

незыблемости текста, его смыслов, предлагали современные истолкования с учетом неизвестных ранее фактов, новых ракурсов, генерализующих и спецификаторских, философских, социально-исторических, культурологических, религиозных, мистических, психоаналитических смыслов.

Об этом говорит немало количество сборников научных статей двух последних десятилетий, собравших разноплановые исследования богатого литературного наследия Иванова. Как правило, все они были результатом международных конференций, вектор которых географически сместился в Россию. И до сих пор ивановедение центрируется в Москве, Петербурге и Риме – трех локусах жизни поэта. Из основных коллективных трудов можно назвать: *Вячеслав Иванов. Материалы и исследования* (Москва 1996), *Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования* (Москва 1999), *Вячеслав Иванов. Творчество и судьба: К 135-летию со дня рождения* (Москва 2002), *Вячеслав Иванов. Между Святым Писанием и поэзией* (Салерно 2002), *Башия Вячеслава Иванова и культура Серебряного века* (Санкт-Петербург 2006), специальный, ‘ивановский’, выпуск журнала “Символ” (LIII-LIV, Москва-Париж 2008). Окрепло серийное издание *Вячеслав Иванов: исследования и материалы*, на сегодняшний день издано уже три выпуска (2010, 2016, 2018), о двух последних подробнее будет сказано ниже.

Если попытаться хотя бы в общих чертах охарактеризовать, этот, условно, российский этап ивановедения, то первое, что необходимо отметить – необыкновенное расширение тематики научной мысли, пытающейся охватить универсализм поэта как сложный культурный феномен. Продолжалась линия, связанная с определением места Иванова в общей культурно-исторической парадигме, выявлением традиций и конкретных авторов, повлиявших на становление его эстетики и поэтики: античности (Платон, Эсхил, Вергилий, Плутарх, Плотин и др.), древнеегипетской, индийской, средневековой и возрожденческой системы взглядов и искусства (Августин, Данте, Петрарка, Сервантес, Кальдерон, Микеланджело), философии Нового времени (Ф. Ницше, Вл. Соловьев, А. Бергсон, О. Шпенглер, К. Юнг, М. Бубер и др.).

Значительно увеличилось количество работ, вписывающих Иванова в контекст русской религиозной философии начала XX в. В центр внимания выдвинулись творческие и личностные взаимоотношения с Вл. Соловьевым, П. Флоренским, С. Булгаковым, Н. Бердяевым, В. Эрном, А. Шестовым и др. Углубились представления о соотношении ивановского символизма с метафизикой всеединства и софиологией Соловьева, а также имяславием, фундирующими самобытную отечественную религиозную мысль. Вместе с тем с небывалой интенсивностью возрос интерес к герметическим, орфическим, гностическим, каббалистическим, масонским, розенкрейцеровским, штейнерианским и сектанским мотивам, характерным для синкретического духа эпохи Серебряного века. Как и сто лет назад, возобновились поиски ‘нового религиозного сознания’, которые, если говорить предельно схематично, центрировались вокруг антиномий христианства и язычества, православия – католицизма – протестантизма, догматики и теософии.

Поскольку общепризнанным является тезис о том, что по своему поэтическому и религиозному темпераменту Вяч. Иванов всегда стремился к синтезу и примирению всех идей, его попытки определить правильное соотношение между античностью и христианством оказались востребованными в постсоветской реальности. Об этом, в частности, свидетельствует тот удивительный факт, что после распада советской власти его диссертация *Дионис и прадионисийство* (1923), в некритическом виде, с несоблюдением эдических и комментаторских требований, была дважды переиздана большим тиражом (1994, 2000). Весьма показательно предисловие анонимного автора, утверждающего, что подлежащий научный труд можно считать “выдающимся теологическим сочинением по протоэклесиологии”, то есть по церковным вопросам. Согласно некорректной формулировке анонима, “Иванов неотступно подводит читателя к мысли, что дионисийство есть некое ‘учреждение’ христианства, в трагедии же заставляет различить как бы пробный оттиск вселенской Церкви, мистического тела Христова” (Иванов 1994: 7-8). Такой поворот в восприятии наследия ученого поэта, прожившего много лет жил в эмиграции, ставшего католиком, убежденным в универсализме и непрерывности общеевропейской духовной традиции, симптоматичен. Ивановские концепции взаимосвязи между религией и культурой оказались актуальными в контексте обострившейся в те годы проблемы духовно-национальной самоидентичности интеллектуальной элиты в России (Лаппо-Данилевский, Шишкин 2010: 71-72).

Влияние религиозно-философских взглядов Вяч. Иванова особенно заметно прослеживается на творчестве выдающихся мыслителей XX века – М. Бахтина, А. Лосева, С. Аверинцева, которые ‘донесли’ его наследие через советское время до периода возрождения интереса к ‘наследию отцов’, каждый по-своему осмысляя вопрос о соотношении культуры и религии, искусства и жизни. Проблема рецепции ивановских идей в их творчестве остается одной из самых интересных, однако изученной пока неравномерно. В большей степени повезло теме ‘Иванов – Бахтин’, вызвавшей целый ряд сравнительно-описательных и аналитических работ. Далеко от завершения и весьма перспективно направление ‘Иванов – Лосев’. В 2002 г. А. Тахо-Годи высказала мысль о том, что исследование “значения символизма, в том числе Вяч. Иванова, для творчества А. Ф. Лосева – дело будущего”, и четко обозначила основную задачу – необходимо не только перечислять некоторые факты из биографий Лосева и Иванова, но исследовать “глубинные взаимоотношения этих символистов, ученых филологов и мифологов” (Тахо-Годи 2002: 272, 280). На наш взгляд, новаторское решение этой задачи было предложено в работах Л. Гогтишвили, которая рассматривала символизм, зачинателем которого был Вяч. Иванов, а завершителем – А. Лосев, на фоне острых дискуссий начала прошлого века о языке и сознании, о смысле и формах его выражения в контексте развития европейской философии (феноменологии и неокантианства). В таком ракурсе русский символизм и имяславие представляют интерес не столько своей всеохватной тематикой, универсализмом и поиском синтетического мировоззрения, сколько выработанными в его лоне интеллектуальными “техниками”, которые требуют адекватной рецепции в современной гуманитарной мысли (Гого-

тишвили 2004: 148). Такой подход вполне адекватен постоянному тезису Иванова: смысл – это не *что*, а *как*. Главное не *что* говорится, а *как* это *что* видится, мыслится и выражается. К символистским техникам исследовательница относил механизмы непрямого (символического) выражения в сознании и языке созерцаемого эйдетического (чистого) смысла. ‘Загадку’ ивановской поэзии в рамках разработанной ею *предикативной теории символа* она видела в “антиномическом принципе” его мифологического символизма (Гогтишвили 2006).

Практически не выделилась в отдельный ‘предмет’ тема ‘Иванов – Аверинцев’, хотя именно у второго из них находили, по-разному ее оценивая, сознательную интенцию на своего рода ‘перевоплощение в Иванова’ в научной, философско-религиозной и поэтической ипостасях. В любом случае этот аспект раньше или позже должен найти своего исследователя. Прошло уже 15 лет со дня смерти одного из самых проникновенных истолкователей ивановского творчества – достаточный срок для начала научной рефлексии не только в сфере его ивановедческих работ, но и в области концептуального осмысления влияния идей Иванова на ‘инструментарий’ синтетической методологии Аверинцева в целом.

Стоит отметить, что освоение эпохи русского религиозно-философского Ренессанса и вписывание в нее Иванова как одной из центральных фигур на рубеже XX-XXI вв. шло параллельно, как это бывало в России и раньше, когда она переживала определенный культурный взрыв, если воспользоваться метафорой Ю.М. Лотмана. Отсюда, наряду с энтузиазмом обретения почти затонувшего материка, возникало осязаемое напряжение, связанное с неразработанным языком описания осваиваемых явлений, потенциально богатое для обновления отечественной гуманитарной науки, но и содержащее определенные риски, в частности, размывания концептуальной строгости и чистоты.

Филологи оказались перед выбором. С одной стороны, традиционным был академический подход, согласно которому история литературы понимается как работа с текстами и фактами, объективно объясняющими их появление, историю публикации, восприятие современникам, критикой и т.д. С другой – филология вынуждена была задействовать философский дискурс, для того чтобы найти адекватный для описываемого феномена терминологический аппарат. Причем этот процесс шел, скорее, в экстенсивном направлении, с привлечением альтернативных подходов к изучению литературы и культуры в западноевропейской мысли, прежде всего рецептивной эстетики, феноменологии и герменевтики, настаивающих на необходимости интерпретации художественных произведений, на понимании их смысла, а не констатации фактов историко-литературного и биографического характера.

Ситуация сильно усложнялась упоминаемым выше синкретизмом эпохи Серебряного века, который также требовал определенных познаний от исследователя в сфере, обобщенно говоря, оккультной мистики и практики, которые достаточно причудливо соединялись с христианскими ценностями у многих представителей символистской культуры. При этом необходимо было одновременно и читать но-

вое, и создавать инструменты чтения – средства описания, концептуальный язык, что было не так-то просто в силу динамичности и хаотичности ‘взрывной’ эпохи. В арьергардно-позитивистском и атеистическо-гуманистическом сознании гуманитариев постсоветской эпохи обычным явлением стало некритическое смешение всего со всем, настоящее вавилонское столпотворение из новоприобретенных сведений, соединенных с аксиологическими предпочтениями исследователей. Сформировался современный научно-популярный дискурс, не делающий различий между такими понятиями, как оккультизм, гностицизм, мистицизм, считающий их и означающие их термины синонимами. Вполне справедливо в статье Вяч. Иванов и Т. Манн: *парадигмы культурного сознания* (2010), показательно републикованной во втором томе *Pro et contra*, В. Рудич констатировал, что вопрос о роли различных ‘эзотерических’ традиций в мировоззрении и творчестве Вяч. Иванова оказался совершенно ‘запутанным’, поскольку сама “тема сделалась предметом дебатов, чреватых упрощениями и передежжками” (Исупов, Шишкин 2016, II: 528).

Но даже в сфере строгой науки в ивановедении, как, впрочем, и в других направлениях, связанных с изучением модернизма, достаточно рано наметилось некое подспудное противостояние двух тенденций, отстаивающих право на ‘научность’, адекватную ‘предмету’ изучения. Первая определялась академической филологией, оперирующей эмпирическими методами описания, систематизации и классификации историко-литературных, биографических и текстологических фактов и претендующей на ‘объективность’, ‘непротиворечивость’, ‘верифицируемость’, ‘безоценочность’ и т.д. Вторая – философствующей филологией, которая опирается в большей мере на комплекс идей, концепций и символов, стремится к смысловым обобщениям и созданию целостной картины внутренней биографии, определяющей своеобразие Вяч. Иванова как поэта и мыслителя, телеологию его творческого пути.

Укажем в качестве примера на один любопытный момент. Начало этого века было ознаменовано практически одновременным выходом в свет трех книг, сам факт появления которых иллюстрирует наметившуюся оппозицию среди авторитетных ивановедов. В двух из них, с опорой на архивные материалы, дневники, письма и факты из жизни поэта и его ближайшего окружения, объективно описывались оккультные увлечения Иванова, связанные с общением с А. Минцловой в период петербургской Башни, а также с штейнерианством, адептов которого вокруг Иванова было достаточно много, достаточно упомянуть только Андрея Белого и М. Сабашникову-Волошину (Богомолов 2000; Обатнин 2000).

В противовес им книга С. Аверинцева *Путь поэта между мирами*, представляющая собой один из первых опытов целостной интеллектуальной биографии поэта, реконструировала непростой, но несомненно христианский духовный путь Иванова, на основе анализа системы его мысли и символического языка. Его оккультные интересы выступали как этап искусства, временных заблуждений, отрефлексированных позже во многих произведениях и устных высказываниях, зафиксированных мемуаристами (Аверинцев 2001).

В силу многосторонности феномена Вячеслава Великолепного оба подхода правомерны и только при взаимной дополнительной могут дать адекватное представление как об отмечаемой еще современниками 'протеистичности' характера Иванова, так и о 'разноречиях и связности' его мысли и мировоззрения в целом. Однако сугубое доверие к фактам вкупе с логикой здравого смысла остается преобладающим во многих работах современных исследователей, что вполне соответствует распространенному пониманию филологии как науки. Более точным было бы различение понятий *история литературы* и *литературная история*, как это принято в некоторых языках и научных традициях. Первая реконструирует целостную картину развития национальной или мировой словесности или тех или иных ее форм в течение какого-то периода, стремится к генерализации, к построению масштабных эволюционных моделей, к концептуализации. А вторая – эмпирическая деятельность по изучению сопутствующих обстоятельств литературного произведения. Такая позитивистская литературная история, занятая конкретными фактами, получила широкое развитие в разных странах; сегодня именно она чаще всего приходит на ум, когда говорят о работе "историков литературы" (Зенкин 2018: 18). Символисты, явно, предчувствовали, что их творческие и религиозно-экзистенциальные поиски будут вписаны в позитивистски ориентированную литературную историю: "Печальная доля – так сложно, / Так трудно и празднично жить, / И стать достоянием доцента, / И критиков новых плодить..." (А. Блок).

Тем не менее, на основе ивановедческих работ рассматриваемого этапа, нельзя не отметить предпринятые подходы к изучению эстетики и теории символизма, учению о трагедии, предметности слова и категории символа. Отдельного внимания заслуживает освоение концепции дионисийства и трагедии (в научно-теоретическом, мифологическом, культурно-антропологическом, феноменологическом и жизнетворческом аспектах), а также связанные с ним литературно-критические работы (прежде всего о Достоевском). Заметим, что прочтение теоретических статей Иванова как автометаописательных текстов художника не является однозначно решенной проблемой. Сам Иванов всегда позиционировал себя как поэта, наиболее точно передающего свой опыт через язык символической поэзии, а не через дискурсивно-теоретические экспликации. Однако начиная с прижизненной критики и вплоть до наших дней его философско-эстетические эссе чаще всего воспринимаются как первичные инсталляции смысла, помогающие понять 'темное' волхвование в стихах (что всегда оспаривал Аверинцев). Но в целом интерес к его поэзии, ее стилистическому своеобразию, жанровой структуре, основным мотивам, системе символов, мистическим, литургическим дискурсам, лингвофилофским новациям и языковым проектам, несомненно, возрос. Много исследований посвящено мифопоэтике Иванова и реализации в его текстах поликультурных концептов, символов и мифологем, а также отдельным символическим мотивам, пространственно-временным характеристикам, сюжетным схемам и т.д. Развивается линия изучения его стиховедческой и стихотворческой ипостасей, начатая в свое время М. Гаспаровым.

Преобладающим вектором остается подход к поэтическому наследию Иванова как к сложному феномену, требующему сопоставления с различными культурными и литературными традициями. Имеются работы, выявляющие круг чтения поэта в разные этапы его жизни. Идет расширение уже существующего поля компаративистских исследований, стремящихся сочетать типологические, текстологические, семиотические, структуралистские и герменевтические методы исследования. Выявляются параллели и пересечения с Гёте, Св. Иоанном Креста, Шиллером, Гейне, Г. Гауптманом, О. Уайльдом, П. Верленом, Ш. Бодлером, П. Гюисмансом, П. Клоделем, Ж. Маритэном, С. Георге, Т. Манном, М. Хайдеггером, Ш. дю Босом, Б. Кроче и др. Монографическим исследованием обобщающего и концептуального характера стала книга Р. Бёрда (Bird 2006). Устойчивым предметом рассмотрения оказывается тема влияния на творчество Иванова русской литературной традиции (Тредиаковский, Державин, Пушкин, Лермонтов, Фет, Тютчев, Достоевский, И. Коневской), а также литературных вкусов 1890-х гг.

При такой впечатляющей широте потенциально возможных влияний на символизм Иванова становится общепринятым определение его поэтического и прозаического стиля как интертекстуального, сложного и многопланового, именно в силу напластования в нем явных, а чаще скрытых цитат, аллюзий, реминисценций. Еще А. Блок в своей первой рецензии говорил о том, что для понимания лирики Иванова необходимо не упускать из виду всего многоэтажного здания мировой культуры. На современном этапе это здание еще выше. Один из верхних этажей занимает сама символистская культура, труднодоступная сегодня с точки зрения как ее литературно-фактической процессуальности и игровой амбивалентности, так и имплицитной эпистемологической матрицы сознания модернистов, определяющей их художественные, философские и экзистенциальные стратегии.

Поэтому большим пояснительным потенциалом обладают реконструкции взаимоотношений Иванова с современниками: в аспекте литературных дискуссий, сближений и противодействий (И. Анненский, К. Бальмонт, Н. Бердяев, Д. Мережковский, В. Брюсов, Ф. Сологуб, А. Блок, А. Белый, М. Кузмин, В. Гиппиус, М. Горький, Л. Андреев и др.); а также биографических связей (Ф. Зелинский, Ю. Балтрушайтис, В. Бородаевский, В. Мануйлов, М. Волошин, Б. Зайцев, Г. Чулков, В. Мейрхольд, А. Евлахов и др.). Выявляется роль Иванова в художественном самоопределении модернистов младшего поколения (В. Хлебников, О. Мандельштам, Н. Гумилев, А. Ахматова, А. Крученых, В. Ходасевич, Б. Пастернак и др.), а также – преломление комплекса его идей в театральных, музыкальных, художественных проектах дореволюционного времени и в первые годы советской власти (особенно в зарождающейся теории отечественного киноискусства). Публикация огромного пласта неизвестных ранее биографических, мемуарных и эпистолярных материалов, включающих не только перечисленные имена (проще, наверное, назвать тех, с кем Иванов не пересекался), воссоздает подробную фактографическую картину, которая

(особенно с учетом последующих архивных находок) влечет за собой потребность в создании полноценной летописи жизни и творчества мэтра символизма.

Наконец, нельзя не сказать о том, что именно в этот период создается официальный сайт *Исследовательского центра Вячеслава Иванова в Риме* (<<http://www.v-ivanov.it>>), ставший незаменимым ресурсом для специалистов в сфере ивановедения и шире – в области русского и европейского модернизма. Его контент включает в себя не только прижизненные произведения поэта и брюссельское собрание сочинений, но и наиболее полную репрезентативную подборку исследовательских материалов, постоянно пополняемую силами директора Центра и вдохновителя всех ‘ивановских’ проектов Андрея Шишкина. Она структурирована по хронологическому принципу (начиная с 1949, года смерти писателя, по настоящее время) и включает многочисленные работы на нескольких европейских языках, в том числе статьи, монографии, коллективные сборники и диссертации (отметим увеличение количества последних, пиком которого стал 2012 г., когда было защищено шесть диссертационных работ, включая две докторские). Там же выложены оцифрованные рукописи из Римского архива поэта (всего около 28 000 изображений) – уникальный пример открытости, прозрачности и доступности архивных материалов, предоставляющий большие возможности для заинтересованных текстологов.

На фоне панорамного обзора ивановедения, по необходимости беглого и схематичного, обратимся теперь к трем последним годам его развития. В связи со 150-летней годовщиной со дня рождения поэта, в Санкт-Петербурге, Москве и Риме прошло несколько мероприятий. Среди них отметим две международные конференции, *Вячеслав Иванов и дионисийство: Disputatio metaphysica et culturalis* (Санкт-Петербург, 2015) и *Музыка – философия – культура. Родное и вселенское* (Москва, 2016), материалы которых вошли в последние выпуски серии *Вячеслав Иванов: исследования и материалы*. А также X Международный юбилейный симпозиум *Историческое и надвременное у Вяч. Иванова* (Рим, 2016), доклады участников которого опубликованы в номере журнала “*Еуропа Orientalis*” (XXXV, 2016), а также отдельным изданием.

Второй выпуск сборника *Вячеслав Иванов: исследования и материалы* (2016) включает в себя статьи, связанные с двумя направлениями: 1) историко-религиозным и философским осмыслением ивановской концепции дионисийства, ее отражением в художественной практике; 2) христианской историософией Иванова. Дионисийство представлено в комплексе генетических, интертекстуальных и рецептивных аспектов. Особое внимание уделяется влиянию Ницше на мировоззрение Иванова в целом и на развитие его магистральных идей о Дионисе и трагедии, во многом определяющих теории и практики Серебряного века. Среди интересных и разноплановых работ по этой тематике остановимся на двух, представляющих, как видится, противоположные подходы, которые отчасти можно соотнести с двумя описанными выше тенденциями – концептуальной историей литературы и позитивистской литературной историей.

В статье Нины Сегал-Рудник *Дионисийство как прием: к вопросу о метафизическом хронотопе поэзии Вяч. Иванова* (Грякалова, Шишкин 2016: 27-70) ивановское дионисийство представляется типологической параллелью к романтизму Новалиса. Автор дает интересную интерпретацию 'дионисийства' как приема, анализируя стоящую за ним нарративную схему ('пафос – экстаз – катарсис'), которая уточняет ивановский универсальный и метаисторический хронотоп. Согласно предлагаемой операциональной трактовке, метафизический хронотоп Иванова последовательно изменяет отдельные элементы заимствуемых литературных жанров в направлении нагнетения дионисийского пафоса, определяющего авторскую интенцию. Таким образом, перед нами попытка выявить фундаментальный 'механизм' интертекстуальной плотности произведений поэта-символиста, исходя из презумпции подлинности духовного опыта поэта. Признавая перспективность предложенного подхода в целом, нельзя не заметить, что рассмотрение этого 'механизма' в конкретных произведениях чрезмерно расширяет 'пределы интерпретации', давая наряду с приемлемыми толкованиями текста гетерономные трактовки. Так, например, большое сомнение вызывает анализ стихотворение *Prooemion*, открывающее первую книгу лирики Иванова *Кормчие звезды* (1903), в интертекстуальной глубине которого исследователь убедительно обнаруживает отсылки к Пиндару, Горацию и Державину. Но при этом неоправданно, на наш взгляд, в него вчитывается 'большое историческое время' (Россия, император, Серафим Саровский, Дивеевский монастырь и т.д.). В то время как стихотворение – аллегорическое описание духовного опыта жизни, с поворотным пунктом – от буйного ницшеанско-дионисийского 'титанизма' (лето) к дионисийству, истолкованному в христианском ключе (осень).

В статье же Г. Гусейнова *Могущественный импульс Фридриха Ницше, или Дионисийство Вячеслава Иванова на фоне европейского модернизма (там же: 79-91)* встречается иной подход, основанный, скорее, на отрицании ивановской интенции понимать дионисийство как мистическо-религиозный опыт. В результате выдвигается позитивистско-фрейдистское объяснение: дионисийско-ницшеанские штудии поэта – "интеллектуальная ловушка", псевдонаучный флер "сексуального раскрепощения и оккультного помрачения". Ироничная модальность всей статьи 'склеивает' приведенные в ней аргументы в деконструктивистско-нигилистическом дискурсе, тем самым заостряя проблему выбора адекватных методов прочтения символистских текстов и влияния исследовательских установок на описываемый феномен.

В рассматриваемой книге затрагивается также историко-религиозная проблематика творчества Иванова, в том числе публикуется исследование о его участии в деятельности петербургского Религиозно-философского общества (А. Шишкин); выступление поэта по докладу Н.А. Бердяева о книге В. И. Несмелова (С. Федотова); хроника дружбы Вячеслава Иванова и Владимира Эрн (В. Кейдан). Среди интересного блока статей, посвященных религиозно-метафизическим (М. Цимборска-Лебода), антропологическим (М. Михайлова), эклессиологическим (О. Фетисенко) аспектам поэзии Иванова, особенно хочется выделить содержательную

работу Ю. Орлицкого *О роли переводов Пиндара в развитии русского стиха (силлаботонический логосд Иванова и 'пиндарический отрывок' Мандельштама Нашедший подкову)* стиховедческо-компаративистского характера.

Среди опубликованных впервые архивных материалов: неизданная переписка Иванова и Брюсова (публ. А. Соболева), конспект лекций *Русская церковь и религиозная душа народа*, прочитанный в Павии (публ. Ж. Пирон, А. Юдина), ивановское *Письмо к самому себе* (С. Федотовой) и др., которые вводят в научный оборот тексты, связанные с религиозно-философской стороной биографии поэта.

Обзор материалов римского симпозиума *Историческое и надвременное у Вяч. Иванова* (Плюханова, Шишкин 2017) убеждает в том, что на смену первоначальному бурному расцвету приходит период стабилизации и нарастания критической саморефлексии иванововедения. По-прежнему лидирует интертекстуальный анализ произведений поэта, необходимый авторам для реконструкции "темной теогонии" в *Сне Меламта* (В. Петров), новой модели вселенского христианства в *Повести о Светомире царевиче* (С. Каприо), софиологическо-гностического слоя в этом же произведении, рецепции-руемого через Вл. Соловьева (Е. Глухова), Дантовой визуальной образности в поэзии Иванова (К. Ланда) и др. Новые повороты научных сюжетов прослеживаются в статье М. Плюхановой *Архаика Достоевского у Вяч. Иванова и его последователей*, поднимающей проблему влияния 'вторичной теургии' Иванова на М. Бахтина и В. Топорова, и концептуальной работе В. Полонского *Сакральный и актуальный регистры в публицистическом дискурсе Вяч. Иванова о первой мировой войне*. В компаративистском ключе поэзия Иванова сопоставляется с Державинным (С. Гардзонио), в совершенно новом ракурсе – с И. Бродским (Ж. Нива) и др.

Ряд статей связан с проблемой методологии изучения творчества Иванова. Д. Магомедова предлагает понимать 'конвергентность' как методологическую основу символистской поэтики Иванова, системно раскрывающей идею глубинного единства различных культур. Г. Обатнин рассматривает историю текста как метод его анализа, а Л. Силард развивает идеи многомерной герменевтики как наиболее адекватного современного метода анализа ивановских текста, обеспечивающего постепенное восхождение читателя от 'материи' текста к его ноуменальным смыслам. Интертекстуальности как беспредметной игре и тривиальным поискам цитатных совпадений Д. Мицкевич противопоставляет проблему целостного описания ивановского творчества с опорой на системообразующие принципы синхронности и релевантности интертекстуальных пластов, позволяющих за необычным языком и философско-религиозной сложностью увидеть подлинный духовный опыт поэта.

В блоке архивных материалов можно найти неизвестные тексты Иванова (микродрама *Цветы смерти* и стихотворение *Глиеру*) (публ. А. Шишкина), его лекцию о Данте 1921 г. (публ. К. Ланда), авторизованный перевод материалов к его книге о Достоевском 1932 г. (публ. Р. Бёрда), а также работу *Мстислав Добужинский на Башне Вяч. Иванова*, основанную на новых документах (А. Устинов, А. Шишкин).

В третьем выпуске серийного издания *Вячеслав Иванов: исследования и материалы* (Федотова, Шишкин 2018) опубликованы работы российских и зарубежных ученых, посвященные философской и театрално-музыкальной проблематике в творчестве Вяч. Иванова, а также вопросам его поэтики и стихосложения. Значительную часть книги также составляют архивные материалы. Они освещают разные стороны биографии и послереволюционной деятельности Иванова: студенческие годы в Берлине (М. Вахтель), бытовые обстоятельства переселения Иванова с семьей в Москву в 1913 году (А. Соболев), сотрудничество с Наркомпросом в послереволюционные годы (Е. Глухова). Помимо этого реконструируется подтекст эпитаграммы *Чуковский, Аристарх прилежный...* (С. Федотова), а также публикуются новонайденные переводы Иванова (К. Лаппо-Данилевский), черновые записи о Гуссерле (Г. Обатнин) и считавшийся утраченным портрет поэта работы М. Сабашниковой (А. Шишкин).

Остановимся подробнее на двух статьях, показательных с точки зрения намеченных выше двух противоположных исследовательских стратегий. В большой работе В. Петрова *Телеология, четвертое измерение и обратный ход времени в работах Андрея Белого, Вяч. Иванова и М. Волошина* сходятся воедино интертекстуальный метод анализа, понимаемый автором в том смысле, от которого предостерегал Д. Мицкевич, и азартное накопление фактов (в данном случае фактов цитатных совпадений и биографических данных). В результате в концепциях Иванова выделяются штейнерианские и оккультные мотивы, на основании чего категорически утверждается, что поэт находился под влиянием идей Э. Шюре и Р. Штейнера и, по логике вещей, все мистические интуиции ученого-античника и их экспликации в базовой концепции дионисийства и мифологического символизма, являются вторичными и несамостоятельными. В такой радикальной трактовке вопроса видна деконструктивистская и демифологизаторская интенция автора статьи, близкая Г. Гусейнову.

В статье М. Цимборской-Лебоды *‘Рай незабывчивой души’ и ‘христианская истина о человеке’*, посвященной контекстуальному прочтению стихотворения Вяч. Иванова *Eden*, выявлены интертекстуальные связи ивановской поэзии с известными культурными текстами (Блаженный Августин, Петрарка и др.), ставшими источником европейского понимания концептов (душа – память – забвение – рай). Автор статьи продолжает процесс истолкования ключевых произведений Иванова, способствуя определению фундаментальных концептов его символического мышления, учитывая их варьирование в творчестве поэта, их смысловые сцепления, опираясь на принципы целостного прочтения всего корпуса работ поэта, преемственно отстаиваемых Аверинцевым и Мицкевичем. В результате, анализируемое стихотворение, с учетом контекста всего творчества Иванова, выступает “очередным свидетельством *живого присутствия* и семантической взаимосвязанности проясняющих друг друга ‘райских’ символов, подтверждающих важность мировоззренческой христианской константы в творчестве Иванова” (Федотова, Шишкин 2018: 213).

Мы ‘столкнули лбами’ две исследовательские стратегии, чтобы еще раз заострить проблему неизбежного влияния авторских установок на модальность преподнесения

исследуемого материала, в том числе объяснения интертекстуальной плотности произведений Вяч. Иванова, а значит, и понимания одной из главных характеристик его “реалистического символизма”.

Настоящим научным событием 2018 г. стал выход в свет первого академического издания первого тома собрания сочинений Вячеслава Иванова, который включает в себя его первый сборник философских, эстетических и критических статей *По Звездам* (1909) (Кумпан 2018). Три раза повторенное слово может быть дополнено четвертым, в том смысле, что перед нами редкий по сегодняшним временам эталон эдиционной, текстологической, комментаторской и полиграфической работы. Том состоит из двух книг (*Тексты и Примечания*), причем вторая намного объемнее. Основную проблему комментирования текстов участники проекта (К. Кумпан, Г. Обатнин, А. Соболев и др.) увидели в специфически ивановском типе ‘реминисцентной полифонии’, выделяющей поэта даже на фоне общеизвестного ‘цитатного полигенетизма’ символистов. Комментаторы проделали колоссальную работу по определению разнообразных источников текстов Иванова и ‘дешифровке’ присутствующего в них многослойного пласта цитат (в том числе древнегреческих, латинских, немецких, итальянских, французских) и аллюзий, отсылающих к сюжетам мировой истории и культуры. В результате они вынуждены были признать, что выявленные интертекстуальные массивы сами по себе не всегда до конца проясняют сложную фигурность мысли поэта. Вместе с отдельными отступлениями от традиционных эдиционных требований в целях соблюдения ‘воли автора’, это признание подтверждает сложность феномена Вяч. Иванова, вызвавшего своеобразную модернизацию академического издания и требующего обновления методов современной науки о литературе.

В заключение обзора назовем еще несколько книжных новинок. *Микеланджело. Семь сонетов в переводе Вячеслава Иванова с рисунками Г.А.В. Траугот*” (Москва 2018), *V. Ivanov. A realibus a realiora. Poesia e testi scelti*, a cura di A. Chichkine e M. Sabbatini, introduzione di M. Rupnik (Roma 2018), *Алкей и Сафо: Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же*, третье, переработанное издание, науч. редакция, сост., вступ. статья и текстология К.Ю. Лаппо-Данилевского; комм. С.А. Завьялова (Санкт-Петербург 2019) и *V. Ivanov, Sonnets romains et autres poems*, introduction et traduction par G. Abensour (Paris 2019). Все они связаны с переводами, как выполненные самим Ивановым, так и итальянскими и французскими переложениями его произведений. Именно в этой области максимально полно раскрывается значимость адекватного понимания смысла текстов и выработки концептуального языка его прочтения.

Подведем итоги. Современное ивановедение, несомненно, одно из живых и интересных направлений гуманитарной науки. Конечно, оно не самое популярное, но это закономерно: Вяч. Иванов никогда не был и не будет общедоступным.

Сложность и многогранность феномена его творческой индивидуальности требует от читателей и исследователей целостного мировоззрения и универсализма, которыми сегодня мало кто обладает и которые сильно дискредитированы пост-модернистским ниспровержением “онто-тео-телео-фалло-фоно-лого-центризма” (Деррида). Однако последнее само уходит в прошлое, оставляя после себя серьезные концептуальные дефициты в области эпистемологических оснований истории литературы в целом.

Но вопрос о читателе – это еще и саморефлексия тех, кто занят наукой о литературе, о самих исследователях творчества Иванова, об их установках и выработке адекватного своему ‘предмету’ изучения научного языка. Ведь история произведений, помимо конкретных культурно-исторических, биографических, текстологических фактов, аккумулирует в себе историю рецепций, оценок и интерпретаций, навсегда впечатываемых в его смысловой облик. В таком ключе в нашем обзоре предпринята попытка проследить не только достижения ивановедения (их невозможно отрицать), но и эпистемологические проблемы, которые настоятельно требуют теоретической критики распространенных подходов к творчеству поэта и мыслителя.

Наличие обозначенных противоположных тенденций говорит о том, что Вяч. Иванов, уже ‘канонизированный’ в истории литературы и занявший свое заслуженное место на Олимпе Серебряного века (*Sempre*), в отличие от иллюзорной презумпции заведомого понимания ‘классика’ символизма, по-прежнему вызывает живое, противоречивое отношение со стороны актуального взгляда (*Ora*). При всей высокой степени изученности его биографии и творчества, при существующей научной литературе, которую уже трудно обозреть, он все равно остается загадкой. По крайней мере, последняя международная конференция (май 2019, Иерусалим), приуроченная к 70-летию со дня смерти поэта, так и называлась – *Viacheslav Ivanov: the Enigma of Modernism*”.

Литература

- Аверинцев 2001: С. Аверинцев, *Скворешниц вольных граждан...: Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами*, Москва 2001.
- Богомолов 2000: Н. Богомолов, *Русская литература XX века и оккультизм*, Москва 2000.
- Гогтишвили 2004: А. Гогтишвили *Рецепция символизма в гуманитарных науках (лингвофилософский аспект)*, в: *Литературоведение как литература*, Москва 2004, с. 148-175.
- Гогтишвили 2006: А. Гогтишвили, *Непрямое говорение*, Москва 2006.
- Грякалова, Шишкин 2016: Н. Грякалова, А. Шишкин (ред.), *Вячеслав Иванов: исследования и материалы*, II, Санкт-Петербург 2016.

- Дэвидсон 2012: П. Дэвидсон, *Библиография прижизненных публикаций произведений Вячеслава Иванова: 1898-1949*, Санкт-Петербург 2012.
- Зенкин 2018: С. Зенкин, *Теория литературы. Проблемы и результаты*, Москва 2018.
- Иванов 1971-1987: В.И. Иванов, *Собрание сочинений, I-IV*, Брюссель 1971-1987.
- Иванов 1994: В. Иванов, *Дионис и прадионисийство*, Санкт-Петербург 1994.
- Исупов, Шишкин 2016: К. Исупов, А. Шишкин (сост.), *В.И. Иванов: pro et contra, антология, I-II*, Санкт-Петербург 2016.
- Кумпан 2018: К. Кумпан (ред.), *Иванов Вяч. И. По Звездам. Опыты философские, эстетические и критические. Статьи и афоризмы, I. Тексты, II. Примечания*, Санкт-Петербург 2018.
- Лаппо-Данилевский, Шишкин 2010: К. Лаппо-Данилевский, А. Шишкин (ред.), *Вячеслав Иванов: исследования и материалы, I*, Санкт-Петербург 2010.
- Обатнин 2000: Г. Обатнин, *Иванов-мистик. Окультистские мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907-1919)*, Москва 2000.
- Плюханова, Шишкин 2017: М. Плюханова, А. Шишкин (ред.), *Историческое и надвременное у Вячеслава Иванова: К 150-летию Вяч. Иванова. X международная конференция*, Салерно 2017.
- Тахо-Годи 2002: А. Тахо-Годи, *Вячеслав Иванов и некоторые факты из биографии А.Ф. Лосева*, в: *Вячеслав Иванов – творчество и судьба: к 135-летию со дня рождения*, Москва 2002, с. 272-282.
- Федотова, Шишкин 2018: С. Федотова, А. Шишкин (ред.), *Вячеслав Иванов: исследования и материалы, III*, Москва 2018.
- Bird 2006: R. Bird, *Russian Prospero: The Creative Universe of V. Ivanov*, Madison (WI) 2006.
- Bobilewicz 1995: G. Bobilewicz, *Wyobraźnia poetycka – Władysław Iwanow w kręgu sztuk*, Warszawa 1995.
- Carpì 1994: G. Carpi, *Mitopoiesi e ideologia: Vjačeslav I. Ivanov teorico del simbolismo*, Lucca 1994.
- Davidson 1989: P. Davidson, *The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov. A Russian Symbolist's Perception of Dante*, Cambridge 1989.
- Hollós 1996: A. Hollós (ed.), "Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae", XLI, 1996.

- Jackson, Nelson 1986: R. Jackson, L. Nelson (eds.), *Vyacheslav Ivanov: Poet, Critic and Philosopher*, New Haven 1986, № 8.
- Nivat 1994: G. Nivat (éd.), *Un maître de sagesse au XXe siècle: Vjačeslav Ivanov et son temps*, "Cahiers du monde russe", XXXV, 1994, 1-2, pp. 353-376.
- Potthoff 1993: W. Potthoff (hrsg.), *Cultura e memoria: 1-2; Vjačeslav Ivanov: Russischer Dichter – europäischer Kulturphilosoph. Beiträge des IV. Internationalen Vjačeslav-Ivanov-Symposiums. Heidelberg, 4-10. September 1989*, Heidelberg 1993.
- Szilárd 1989: L. Szilárd, *A karneválemélet: Vjacseszslav Ivanovtól Mihail Bahtyinig*, Budapest 1989.
- Wachtel 1994: M. Wachtel, *Russian Symbolism and Literary Tradition: Goethe, Novalis, and the Poetics of Vyacheslav Ivanov*, Madison (WI) 1994.

Abstract

Svetlana Vladimirovna Fedotova

Ora e Sempre, Or About the Current State of Ivanov Studies

The article provides an overview of publications about Vjačeslav Ivanov from the last three years in the context of a panoramic review of all Ivanov studies. This overview is based on a review of literary criticism from 1903 to 1995 undertaken by P. Davidson, who distinguished the main stages of mastering the poet's many-sided legacy in the 20th century: the development of his literary reputation; inclusion into the literary canon of Russian modernism; the period of oblivion and, finally, the return of the poet's name to the realm of Russian and European literary studies. The main subject under consideration is the development of Russian Ivanov studies, and the identification of existing methodological approaches to Ivanov's heritage. The criterion base of this taxonomy is the distinction between the history of literature and literary history as a distinction between the integral, conceptualizing and empirical fields of philology science. An analysis of contemporary Ivanov studies allows us to make a conclusion about the prevalence of empirical approaches (studying the facts of Ivanov's life and work) and the existence of a conceptual deficiency connected with the crisis of the humanities in general.

Keywords

Vjačeslav Ivanov; Symbolism; Criticism; Ivanov Studies; Methodological Approaches; The Humanities.